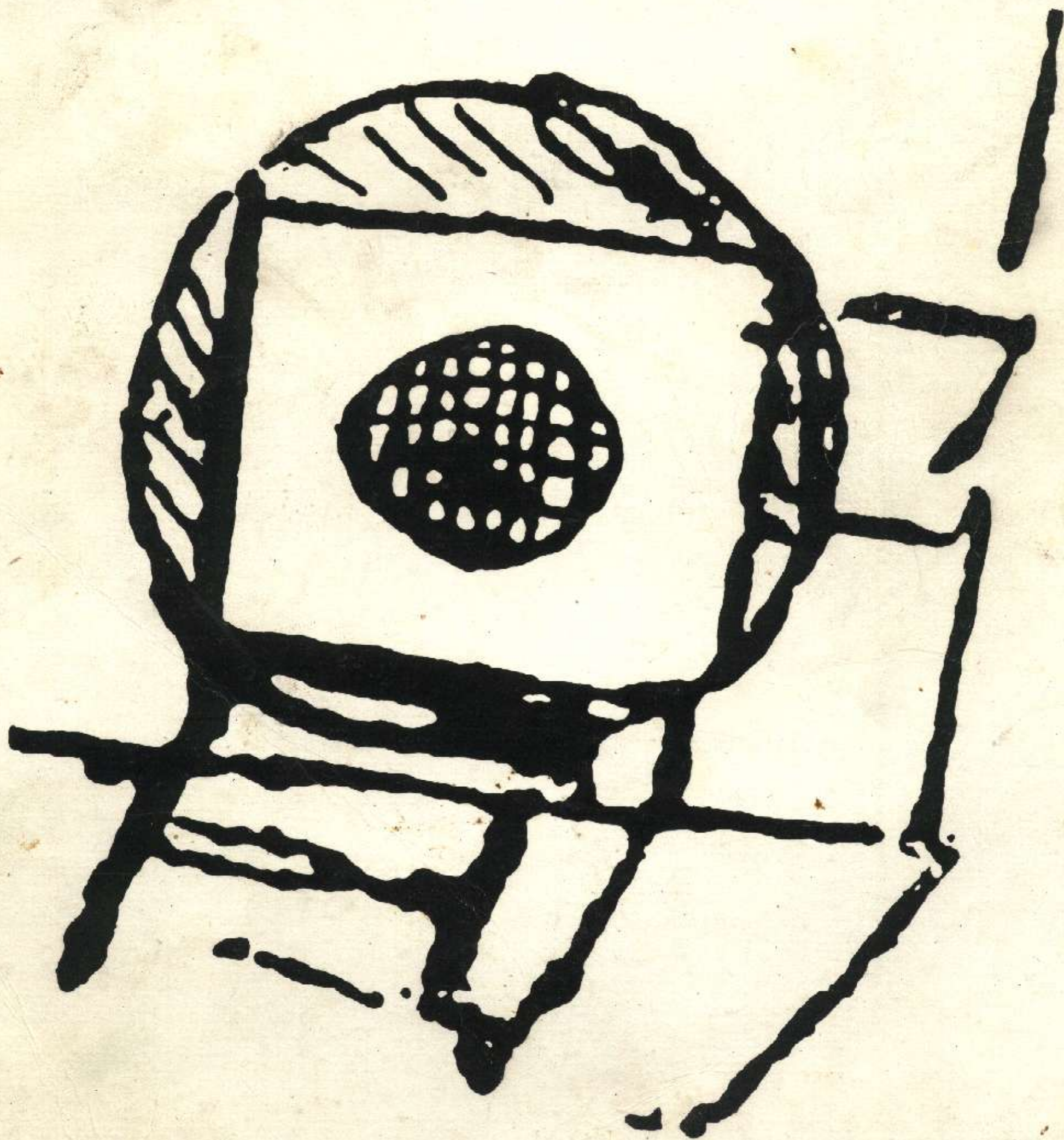

ЗАВТРА

фантастический альманах

В Т О Р О Й

Аркадий СТРУГАЦКИЙ Борис СТРУГАЦКИЙ

Аркадий СТРУГАЦКИЙ (1925), Борис СТРУГАЦКИЙ (1933) — известные советские писатели-фантасты. Создали 26 романов и повестей, выдержавших, кроме отечественных, больше трехсот зарубежных изданий. Авторы сценариев, пьес, эссе, переводов.

страница двести двадцать шестая

» Жиды города Питера... или невеселые беседы при свечах

Назвать деспота деспотом всегда было опасно.
А в наши дни настолько же опасно
назвать рабов рабами.

Р. Акутагава

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КИРСАНОВ Станислав Александрович, 58 лет.
ЗОЯ СЕРГЕЕВНА — его жена, 54 года.
АЛЕКСАНДР — их старший сын, 30 лет.
СЕРГЕЙ — их младший сын, 22 года.
ПИНСКИЙ Александр Рувимович — старый друг, 58 лет.
БАЗАРИН Олег Кузьмич — добрый знакомый, 55 лет.
АРТУР — друг Сергея, 22 года.
ЕГОРЫЧ — сантехник, 50 лет.
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная-кабинет в квартире профессора Кирсанова. Прямо — большие окна, задернутые шторами. Между ними — старинной работы стол-бюро с многочисленными выдвижными ящичками. На столе — раскрытая пишущая машинка, стопки бумаг, папки, несколько мощных словарей, беспорядок. Посредине комнаты — овальный стол, скатерть, электрический самовар, чашки, сахарница, ваза с печеньем. Слева, боком к зрителям, установлен огромный телевизор. За чаем сидят и смотрят заседание Верховного Совета:

хозяин дома профессор Станислав Александрович Кирсанов, рослый, склонный к полноте, украшенный кудрявой русой шевелюрой и бородицей, с подчеркнуто-величавыми манерами потомственного барина, в коричневой домашней толстовке и спортивных брюках с олимпийским кантом; супруга его, Зоя Сергеевна, маленькая, худощавая, гладко причесанная, с заметной сединой, нрава тихого и спокойного, очень аккуратная и изящная (в далекой молодости — балерина), она в строгом темном платье, на плечах — цветистая цыганская шаль;

их сосед по лестничной площадке и приятель дома Олег Кузьмич Базарин, толстый, добродушнейшего вида, плешивый, по сторонам плечи — серебристый генеральский бобрик, много и охотно двигает руками, когда говорит — для убедительности, когда слушает — в знак внимания, одет совершенно по-домашнему — в затрапезной куртке с фигурными заплатами на локтях, в затрапезных же зеленых брючках и в больших войлочных туфлях.

Из телевизора доносится голос: «Итак, товарищи... Теперь нам надо посоветоваться... Вы хотите выступить? Пожалуйста... Третий микрофон включите...»

КИРСАНОВ. Опять эта харя выперлась! Терпеть его не могу...

БАЗАРИН. Бывают и похуже... Зоя Сергеевна, накапайте мне еще чашечку, если можно...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (наливая чай). Вам покрепче?

БАЗАРИН. Не надо покрепче, не надо, ночь на дворе...

КИРСАНОВ (с отвращением). Нет, но до чего же мерзопакостная рожа! Ведь в какой-нибудь Португалии его из-за одной только этой рожи никогда бы в парламент не выбрали!

Разговор этот идет на фоне телевизионного голоса — рывкающего, взрывающего, митингового: «...я говорю здесь от имени народа... Четверть миллиона избирателей... И никто здесь не позволит, чтобы бесчестные дельцы наживались, в то время как трудящиеся едва сводят концы с концами...» Голос Нишанова: «То есть я вас так

понимаю, что вы предлагаете голосовать сразу? Очень хорошо. Других предложений нет? Включите режим регистрации, пожалуйста...»

КИРСАНОВ. Сейчас ведь проголосуют, ей-богу.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. А это с самого начала было ясно. Неужели ты сомневался?

КИРСАНОВ. Я не сомневался. Но когда я вижу, что они сейчас проголосуют растратить шестнадцать миллиардов только для того, чтобы неведомый нам Сортир Сортирыч получил возможность за мой счет ежемесячно ездить в Италию... и даже не сам Сортир Сортирыч, а его зять-внук-племянник... Только для этого заключается контракт века, который по сю сторону никому решительно, кроме Сортир Сортирыча, не нужен... загадят территорию величиной с Бенилюкс... отравят двадцать четыре реки... завоняют всю Средне-Русскую возвышенность... Но зато племянник Сортир Сортирыча на совершенно законном основании сможет теперь поехать за бугор и купить там себе «тойоту»...

И в этот момент в квартире гаснет свет.

КИРСАНОВ. Что за черт! Опять?

БАЗАРИН (*уверенно*). Пробки перегорели. Говорил я вам, что не надо этот подозрительный самовар включать...

КИРСАНОВ. Да при чем здесь самовар... Подождите, я сейчас пойду посмотрю... Ч-черт, понаставили стульев...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Нет, это не пробки перегорели. Это опять у нас фаза пропала.

БАЗАРИН (*с недоумением*). Куда пропала? Фаза? Какая фаза?

Слышны какие-то шумы и неясные голоса с лестницы (из-за кулис справа), голос Кирсанова: «А в том крыле? Что?.. Понятно... Ну и что мы теперь будем делать?..» Базарин, подобравшись в темноте к окну, отдергивает штору. За окном падает крупный снег, там очень светло: отсветы уличных фонарей, низкое светлое небо, в огромном доме напротив — множество разноцветно освещенных окон.

КИРСАНОВ (*появляется из прихожей справа*). Поздравляю! По всей лестнице света нет. И по всему дому, кажется...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Ну, по крайней мере, не так обидно. Фаза опять пропала?

КИРСАНОВ. Она, подлая... (*Подходит к окну*). Живут же люди, горюшка не знают! (*Зое Сергеевне*). Лапа, а где у нас были свечки?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. По-моему, мы их на дачу увезли...

КИРСАНОВ. Ну вот! За каким же дьяволом? Это просто поразительно — никогда в доме ни черта не найдешь, когда надо!..

БАЗАРИН. Станислав, побойся бога. Зачем тебе сейчас свечи? Второй час уже, спать пора... (*Спохватывается*). Тьфу ты, в самом деле! У меня же в холодильнике суп, на три дня сварено. И голубцы! Теперь, конечно, все прокиснет...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Ничего у вас не прокиснет, Олег Кузьмич, вынесите на балкон, и все дела.

КИРСАНОВ (*от бюро, с торжеством*). Вот они! Видала? Вот они, голубчики... (*Передразнивает*). «На дачу, на дачу...»

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Ой, а где же они были?

КИРСАНОВ. В бюро они у меня были. В бюро! Очень хорошее место для свечей. Интересно, как бы ты без меня существовала в этом мире?... Где спички?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. А в бюро их у тебя нет? Замечательное место для спичек...

КИРСАНОВ (*укрепляет свечи в канделябрах на бюро и расставляет по столу*). Ладно, ладно, лапа, сходи на кухню, все равно стоишь...

БАЗАРИН (*чиркает спичкой, свечи загораются одна за другой*). Да на кой ляд вам это понадобилось, в самом деле? Спать давно пора...

КИРСАНОВ. Ну куда тебе спать, ты же сейчас человек одинокий и даже в значительной степени холостой... Сиди, пей чай, наслаждайся беседой с умными людьми.

Из-за кулис справа появляется длинная черная фигура — рослый человек в блестящем мокром плаще до пят с мокрым блестящим капюшоном.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*зычно*). Гражданин Кирсанов?

КИРСАНОВ (*ошеломленно*). Да... Я...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Станислав Александрович?

КИРСАНОВ. Да! А в чем дело? Как вы сюда попали?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*зычно*). Спецкомендатура Эс А! (*Обыкновенным голосом*). У вас дверь приоткрыта, а звонок не работает. Паспорт будьте добры...

КИРСАНОВ. Какая еще комендатура? (*Достает из бюро паспорт и протягивает Черному Человеку*). Какая может быть сейчас комендатура? Ночь на дворе!

Черный Человек берет паспорт, и тотчас же во лбу у него загорается электрический фонарь наподобие шахтерского. Внимательно перелистав паспорт, он молча возвращает его Кирсанову, а сам распахивает большой черный «дипломат» и, держа на весу, некоторое время роется в нем.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Распишитесь... Вот здесь...

КИРСАНОВ (*расписываясь*). А в чем, собственно, дело? Вы можете мне толком объяснить — что, куда, откуда? Войну, что ли, объявили?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*вручает Кирсанову какую-то бумажку*). Получите.

КИРСАНОВ (*смотрит в бумажку, но ничего не видит, света не хватает*). Я ничего здесь не вижу. В чем дело? Вы что — объяснить не можете по-человечески?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Там все сказано. Будьте здоровы.

Фонарик его гаснет, а сам он как бы растворяется во тьме.

БАЗАРИН. Ну и дела!

КИРСАНОВ (*раздраженно*). Не вижу ни черта... Зоя! Где мои очки?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Дай сюда... (*Отбирает у мужа бумажку и читает вслух*). «Богачи города Питера!..»

БАЗАРИН и КИРСАНОВ (*одновременно*). Что-о-о?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (*после паузы*). «Богачи города Питера! Все богачи города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на площадь перед СКК имени Ленина. Иметь с собой документы, сберегательные книжки и одну смену белья. Наличные деньги, драгоценности и валюту оставить дома в отдельном пакете с надлежащей описью. Богачи, не подчинившиеся данному распоряжению, будут репрессированы. Лица, самовольно проникшие в оставленные богачами квартиры, будут репрессированы на месте. Председатель-комендант спецкомендатуры Эс А»... Подписи нет, какая-то печать. Господи, что это значит?

БАЗАРИН. Это значит, что документы надо сразу же спрашивать, вот что! Извините... (*Осторожно берет бумажку из рук Зои Сергеевны*). Печать!.. Я вам такую печать из школьной резинки за десять минут сварганю... (*Переворачивает бумажку*). Так... Кирсанову Станиславу

Александровичу... адрес... Правильный адрес... Ну, и как прикажете это понимать?

КИРСАНОВ (нервно). Дай сюда... (Он уже нашел и нацепил очки.) Не понимаю, что это может означать — Эс А? Советская Армия?

БАЗАРИН. Социалистическая Антарктида... Судорожная Аккредитация... Чувствуй это все собачья, и больше ничего! Двери надо за собой запираешь как следует. Интересно, Зоя Сергеевна, как там ваша шубка в передней поживает? Я у вас там, помнится, шубку видел...

Зоя Сергеевна, подхватившись, выходит в прихожую.

КИРСАНОВ (озаренно). Эс А — Это Штурмабтайлунг!

БАЗАРИН (непонимающе). Ну?

КИРСАНОВ. Штурмовые отряды! Эс А. Ну, помнишь — у Гитлера?

БАЗАРИН. При чем здесь Гитлер? Какой может быть Гитлер в наше время?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (возвратившись). Шуба цела... И вообще все как будто цело... Нет, это был никакой не жулик...

БАЗАРИН. А кто же тогда?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Откуда мне знать? А только это был не жулик и не шутник. Может быть, военный... или милиция... или органы...

БАЗАРИН. Удивительно знакомая рожа лица! Станислав, а? Тебе не показалось? По-моему, у тебя аспирант такой есть... как его... Моргунов... Моргачев... Ну, на Новый год у вас был, длинный такой, сутулый... Зоя Сергеевна!

Кирсанов, ничего не слыша, читает и перечитывает повестку, сдвинув к себе все канделябры.

КИРСАНОВ. Какой я им богач! Что они — совсем уже с ума посходили? Нашли богача, понимаете ли... Драгоценности им подавай... Валюту... Идиоты!

БАЗАРИН. Ты что? Seriously все это воспринимаешь?

КИРСАНОВ. Замечательно интересное кино! А как ты мне еще прикажешь все это воспринимать? Является посреди ночи какой-то гестаповец, вручает, понимаете ли, повестку... явиться, понимаете ли, со сменой белья... Послушай, дай-ка я радио включу.

Он подбегает к бюро и включает репродуктор. Комната оглашается сухим мертвенным стуком метронома.

КИРСАНОВ. Ну вот, пожалуйста! А это как прикажете понимать?

БАЗАРИН. А что тут такого? Два часа ночи.

КИРСАНОВ. Ну и что же, что два часа ночи? Где это ты слышал, чтобы метроном по радио передавали в мирное время?

БАЗАРИН. А что, разве не полагается? Я, честно говоря, трансляцию и не включаю никогда...

КИРСАНОВ. Я, честно говоря, тоже никогда не включаю... Может быть, так оно и должно быть, но когда я эту хренацию слышу, я сразу же блокаду вспоминаю... Ну его к черту! (Выключает репродуктор.) Испортили все-таки настроение, подонки... Так хорошо сидели...

БАЗАРИН. Зоя Сергеевна, можно, я еще одну штучку выкурю?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (рассеянно). Курите.

КИРСАНОВ. Дай-ка мне, пожалуйста, тоже...

БАЗАРИН (укоризненно). Станислав!

КИРСАНОВ. Ничего, ничего, давай... Сегодня можно. Гляди, как руки трясутся, смех и грех, ей-богу!

БАЗАРИН. Ты бы лучше корвалола выпил, чем закуривать.

КИРСАНОВ (закуривает от свечи). Нет, но как тебе это нравится! Богача отыскали!.. Только ты мне не говори, что это чьи-то шутки. За такие шутки сажать надо! За такие шутки я бы...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (прерывает его). Позвони Сенатору.

КИРСАНОВ. Что?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Позвони Евдокимову.

КИРСАНОВ. Да ты что — сдурела? Лапочка!

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Позвони Сенатору, я тебя прошу.

КИРСАНОВ (тыча пальцем в сторону телевизора). Он же на сессии сейчас сидит!

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Он должен был сегодня прилететь, мне Анята говорила. Позвони, прошу тебя!

КИРСАНОВ (нервно). И не подумаю. Стану я среди ночи беспокоить человека из-за какой-то дурацкой ерунды!

БАЗАРИН. Да, Зоя Сергеевна, тут вы, знаете ли... В самом деле — неловко. Конечно, это удобно — иметь среди своих добрых знакомых члена Верховного Совета, но согласитесь, что это все-таки не тот случай...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Откуда вы знаете, какой это случай?

БАЗАРИН. Н-ну... Как вам сказать... Лично я не могу к этому серьезно относиться, как хотите. И вам не советую.

КИРСАНОВ. Главное, что я ему скажу, ты подумала? (Язвительно.) «Богачи города Питера!» Да он пошлет меня к чертовой матушке и будет прав. Если уж звонить, то тогда в милицию. Там по крайней мере хоть дежурный не спит. Во всяком случае не должен спать, раз он за это деньги получает...

БАЗАРИН (решительно). Никуда звонить не надо. Совершенно очевидно, что это чей-то дурацкий розыгрыш. Сегодня же старый Новый год, вот и развлекаются какие-то кретины!

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (тихо). Старый Новый год завтра.

КИРСАНОВ (он снова внимательно изучает повестку). Это ракетиры какие-нибудь! Знаете, что у них здесь на печати написано? «Социальная Ассенизация»! Идиоты! И рассчитывают на полнейших идиотов!.. Кстати, что это такое — СКК имени Ленина?

БАЗАРИН. Спортивно-концертный комплекс. Это где-то на юге, возле Парка Победы.

КИРСАНОВ. Ну вот! Оставлю им все на столе, а сам поспасу с бельем на другой конец города...

БАЗАРИН (с большим сомнением). М-да, это вполне возможно. Только, по-моему, он очень похож на твоего Моргачева...

КИРСАНОВ. На какого Моргачева?

БАЗАРИН. Ну, на Моргунова... На аспиранта твоего, как его там...

Шамфор

Принято считать, что Петр Великий в один прекрасный день вдруг решил преобразовать Россию. Однако сам Вольтер признает, что еще отец Петра Алексей намеревался насадить

в России искусства и науки. В любом деле нужно выждать, пока для него не созреют благоприятные условия. Счастлив тот, кто приходит именно тогда, когда они уже созрели.

КИРСАНОВ. Ты, кажется, всерьез полагаешь, будто я уже не способен узнать собственного аспиранта?

БАЗАРИН. Извини, но я ничего не полагаю. Я только тебе говорю, что он очень похож...

КИРСАНОВ. У меня нет такого аспиранта. Это не мой аспирант. Это вообще не аспирант. Это либо жулик, черт его подери, либо идиотский шутник!

БАЗАРИН. Ну, извини, я вовсе не хотел тебя обидеть. Я тоже считаю, что это идиотская шутка и что нам всем надо успокоиться. Зоя Сергеевна, я вас умоляю: успокойтесь и не берите в голову. Хотите, я чайник поставлю? Газ, я надеюсь, еще не выключили?..

В прихожей хлопает дверь, и в комнате появляется Александр Рувимович Пинский. Это длинный, невообразимо тощий человек, долговолосый, взлохмаченный, с огромным горбатым носом и с неухоженной бородашкой. Он старый друг семьи Кирсановых, живет двумя этажами выше по той же лестнице, поэтому он в пижаме и тапочках, а поверх пижамы — в некогда роскошном восточном халате.

В руке у него листок бумаги.

ПИНСКИЙ (возбужденно). Слава богу, вы не спите... Как вам это понравится? (Он швыряет бумажку на стол.) По-моему, это уже переходит все пределы.

К бумажке тянутся все трое, быстрее всех оказываются Зоя Сергеевна.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (читает высоким, ненатуральным голосом). «Жида города Питера!..» Что это такое?

ПИНСКИЙ. Читай, читай, дальше там еще интереснее.

КИРСАНОВ (отбирает у жены листок). Позволь. Дай мне. (Читает.) «Жида...» Так. «Все жида города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на стадион «Локомотив». Иметь с собой документы, а именно: свидетельство о рождении, паспорт, расчетные и абонентские книжки по оплате коммунальных услуг. Все ценности, как-то: меха, наличные деньги, сберегательные книжки, валюту, драгоценности и украшения, а также коллекции — оставить дома в надлежащем порядке. Жида, не подчинившиеся данному распоряжению, подлежат заслуженному наказанию...» Так. Тут у них что-то зачеркнуто... А, понятно. «Лица, самовольно проникшие в оставленные квартиры, будут наказаны...» Но это как раз вычеркнуто. То есть в оставленные квартиры проникать можно... Ну и, конечно, председатель-комендант-ассенизатор. Подписи опять нет, а печать есть. Та же самая...

ПИНСКИЙ (кипя). Ну что — узнаете? Что вы на меня вытаращились? Неужели не узнаете? Олег Кузьмич, вы же у нас в некотором роде историк, вы же у нас специалист по межнациональным отношениям!.. Вижу, что ни хрена вы не узнаете и не помните ни хрена. В сорок первом году в Киеве немцы такое же вот расклеивали по стенам, почти слово в слово... «Жида города Киева»... А потом — Бабий Яр! Неужели не помните?.. (Торжествующе.) Вот они наконец — высунулись ослиные уши, хулиганье фашистское доморощенное! И ведь главное — совершенно уверены, что какой-нибудь еврей обязательно с перепугу по-

прется к восьми часам, а они там будут на него глазеть, и ржать, как жеребцы, и пальцами на него указывать...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (Кирсанову). В последний раз тебя прошу. Позвони Евдокимову.

КИРСАНОВ. погоди, лапа. Дай разобраться. (Пинскому.) Откуда у тебя эта бумажка?

ПИНСКИЙ. Да только что принес какой-то гад. Наглец хладнокровный, еще расписаться заставил. Откуда я мог знать, что он мне подсовывает? Я думал, это из военкомата. Он ведь, подлец, представился: «Спецкомендатура»...

КИРСАНОВ. Рослый такой парень, в черном плаще?

ПИНСКИЙ. Ну!

КИРСАНОВ. И фонарь во лбу?

ПИНСКИЙ. Да! А ты откуда...

КИРСАНОВ (сует ему в руки свою повестку). На, почитай.

ПИНСКИЙ. Зачем?

КИРСАНОВ. Читай, читай, увидишь.

БАЗАРИН. Так-так-так. Это уже серьезно.

КИРСАНОВ (ехидно). А чего тут серьезного? Ну, ходят мои аспиранты, ну, разносят шутливые повестки...

БАЗАРИН. Перестань. Может быть, и в самом деле позвонить Евдокимову?

КИРСАНОВ. Но я же не знаю, что ему говорить! Как это все расскажешь? Свежему человеку... в третьем часу ночи...

ПИНСКИЙ (прочитав кирсановскую повестку). Что за чертовщина! Откуда это у тебя?

КИРСАНОВ. Спецкомендатура социальной ассенизации. Здоровенный громила с кейсом и с шахтерским фонарем между глаз.

ПИНСКИЙ. Какой же ты, к едрене фене, богач?

КИРСАНОВ. Да уж какой есть, извини, если не угодил.

БАЗАРИН. Вот что. Надо немедленно позвонить в милицию и сообщить, что имеют место хулиганские действия со стороны неизвестного лица.

КИРСАНОВ (раздраженно). Подожди. Давай сначала разберемся. Если это хулиганские действия какого-то идиотского лица, тогда звонить совершенно незачем. Ну дурак, ну ходит по квартирам и разносит дурацкие повестки. Ну напугает дюжину дураков вроде нас... Если дело обстоит таким образом, тогда звонить в милицию — сами звоните. Мне уже повестку принесли, меня уже один раз одурачили, и теперь можно спокойно ложиться спать. Вторую не принесут!

БАЗАРИН (здумчиво). Логично.

КИРСАНОВ. А раз логично, тогда давайте ложиться спать. Хватит. Все.

ПИНСКИЙ (алчно). Догнать бы сейчас этого жлоба и накидать бы ему пачек, чтобы кровавыми соплями умылся, падло позорное...

КИРСАНОВ. Сиди уж, старое дреколье. Да смотри случайно не пукни, а то развалишься. Догнал он... пачек он накидал...

ПИНСКИЙ. Ничего, не беспокойся, мне бы его только поймать, а там бы я с ним разобрался, не впервой... Меня ведь главным образом что поражает. Меня наглость эта первобытная поражает. Вот они уже по квартирам пошли. Вы понимаете, что это означает? Это означает, что они

адрес мой знают. Спрашивается: откуда? Кто им дал? Зачем? Чувствуете?..

КИРСАНОВ. Между прочим, мой адрес они тоже знают...

ПИНСКИЙ (*отмахивается*). Да перестань ты! Ты-то здесь при чем? Подумаешь, богачом его обозвали! В первый раз в жизни... Меня жидом всю мою жизнь обзывают! Устно, а теперь вот и письменно начали...

КИРСАНОВ. Знаешь, когда в нашей стране обзывают богачом, ничего хорошего в этом нет, уверяю тебя. Еще неизвестно, что хуже.

ПИНСКИЙ. Ах, тебе неизвестно, что хуже? Может быть, ты предпочел бы оказаться жидом?

КИРСАНОВ. Я бы предпочел, чтобы на меня не наклеивали ярлыков. Никаких.

ПИНСКИЙ. А жид — это вовсе не ярлык. Жид — это имманентное состояние. Перестать быть богачом можно, а жидом — нет.

БАЗАРИН. Да не о том вы говорите, не о том! Оба хуже, вот в чем беда! Так уж у нас сложилось, что миллионы людей это думают. Что еврей, что богач — плохо. Плохо, и все! И мы не имеем права ни в чем винить этих людей. У них есть основания так думать. Их так воспитали...

КИРСАНОВ. Но позволь, в самом деле! Какой же я, к черту, богач?

БАЗАРИН. Да. Ты богач. С точки зрения тети Моти, которая получает семьдесят рублей пенсии, да еще трешку в месяц ей посылает дочка из Сызрани... с точки зрения этой тети Моти, ты — богач! У тебя пять тысяч на книжке, у тебя автомобиль, у тебя дача, у тебя трехкомнатная квартира, у тебя жена может не работать...

КИРСАНОВ. Так у тебя, наверное, не пять тысяч, у тебя, может быть, двадцать тысяч на книжке... Я же знаю, ты на вторую квартиру копишь...

БАЗАРИН. И я богач! И Александр Рувимович богач. Хотя у него «Жигулей» и нет пока...

КИРСАНОВ. У меня «Жигули» второй год под брезентом стоят, резину не могу купить ни за какие деньги!..

БАЗАРИН. «Жигулей» у него пока нет, но он зато дочку отправил в Америку, и она ему оттуда подбрасывает... и не трешку в месяц, уж будьте уверены!

ПИНСКИЙ (*рывает*). Я дочку в Америку не отправлял! Это ваш Госконцерт говенный ее туда выжил!

БАЗАРИН. Этого тетя Мотя ничего не знает. И знать не хочет. Она одно знает: всю жизнь вкалывала, как проклятая, а сейчас старуха, по помойкам бродит, бутылки собирает.

ПИНСКИЙ. И виноват в этом, конечно, еврей Пинский.

КИРСАНОВ. И богач Кирсанов.

БАЗАРИН. Да! Еврей Пинский и богач Кирсанов! Потому что никаких других объяснений у тети Моти нет!

ПИНСКИЙ. Как это — нет! А куда же смотрит работник политпросвещения товарищ Базарин Олег Кузьмич?

БАЗАРИН (*не слушая*). Потому что сначала ей очень хорошо объяснили, что во всем виноваты вредители. Потом ей объяснили, что во всем виноват Гитлер. Да только она не дура. Сорок лет уже нет ни Гитлера, ни вредителей, а жить-то все хуже и хуже... И всю свою жизнь она видит

где-нибудь то барина в трехкомнатной квартире с телефоном, то сытого еврея из торговли...

ПИНСКИЙ. А еврея, который в говенном котле всю смену лежит и заклепки хреном выколачивает, — такого еврея она не видела? Так пусть посмотрит! (*Тычет себя большим пальцем в грудь.*)

БАЗАРИН. Представьте себе — такого еврея она не видела. Потому что, простите меня, Александр Рувимович, такой еврей и в самом деле большая редкость...

КИРСАНОВ. Ну ладно, хватит вам, что вы опять сцепились... Не об этом же речь идет. Ей-богу, Олег, ну что ты, в самом деле... Ты что же хочешь мне сказать — сидит где-то какая-то тетя Мотя и сочиняет эти повестки?

ПИНСКИЙ. Не-ет, это не тетя Мотя сочиняет. Это сочиняет сытый, гладкий, вчерашний молодежный вожак, и «Жигули» у него есть, и квартира с телефоном, да только вот бездарный он, к сожалению, серый, как валежник, а потому — убежденный юдофоб... У нас же юдофобия покоя веков — бытовая болезнь вроде парши, ее в любой коммунальной кухне подхватить можно! У нас же этой пакостью каждый второй заражен, а теперь, когда гласность разразилась, вот они и заорали на весь мир о своей парше... Вы, Олег Кузьмич, всегда их, бедненьких, защищаете! Я вас понимаю, сами-то вы выше этого, сами вы все норовите с высот пролетарского интернационализма проблему обозревать, поэтому у вас всегда и получается, что все кругом бедненькие... даже богатенькие... Мне иногда кажется, Олег Кузьмич, что вы мне просто простить не можете... Это ж надо же, ведь такой был образцово-показательный еврей-котельщик, рыло чумазое, каждое второе слово — мат, подлинное воплощение пролетарского интернационализма, — так нет же, в институты полез, изобретателем заделался, начлабом, дочку в консерваторию пристроил.

БАЗАРИН. Перестаньте, Александр Рувимович! Вы прекрасно знаете, что ничего подобного я не думаю, что ничего подобного я не говорил. Я только одно хотел сказать: что в каждой шутке есть доля истины. Даже в самой дурацкой. Мы вот с вами возмущаемся по поводу этих бумажек, а нам бы не возмущаться надо, а задуматься, потому что солома показывает, куда дует ветер...

Пинский хочет ему что-то ответить, но тут Зоя Сергеевна резко поднимается и берет ближайший канделябр.

КИРСАНОВ (*всполошившись*). Лапа, ты куда? (*Пинскому и Базарину.*) Да заткнитесь вы, наконец! Хватит! Что вы опять сцепились, как цепные собаки! (*Зое Сергеевне.*) Лапа, не уходи, они больше не будут.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Три часа уже. Я пойду вещи соберу.

КИРСАНОВ. Какие вещи?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Я еще сама толком не знаю, надо посмотреть... Что они там глупости пишут — смена белья. Зима на дворе. Носки надо обязательно взять, рейтузы теплые...

БАЗАРИН. Позвольте, Зочка Сергеевна...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Тошно мне вас слушать, честное слово. Вы все делаете вид, будто это шутка, будто развлекается кто-то. Будто вы не чувствуете, что это всем нам конец, начало конца...

Э. Надточий
Если письмо — акт, направленный от массы к государству, от плоти к духу, то чтение — акт, направленный от государства к массе, от души к плоти... Посредством чтения

КИРСАНОВ (беспомощно). Ты что же — серьезно считаешь, что я должен туда идти?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Я ничего не считаю. Я знаю только, что идти придется и что ты пойдешь, и я бога молю, чтобы меня пустили с тобой, потому что без меня ты там погибнешь на третий день...

КИРСАНОВ. Лапушка, опомнись! Ну что ты такое говоришь? Ведь это же все ерунда! Ну хочешь, я в милицию позвоню? Подожди, я сейчас же позвоню! (Он подкакивает к телефону, торопливо набирает 02.) Алло... Товарищ лейтенант, с вами говорят из дома шестнадцать по Беломорской улице. У нас тут по лестницам ходит какой-то деятель и вручает гражданам хулиганские повестки... (Замолкает, слушает.) Так почему же вы ничего не предпринимаете? (Слушает.) То есть как это так? А кто же, по-вашему, должен этим хулиганством заниматься? Что? (Слушает.) Да, получил... (Слушает.) В каком смысле, простите? (Слушает.) Позвольте, вы что же хотите мне сказать... (Слушает, потом медленным движением опускает трубку и поворачивается к остальным.)

БАЗАРИН. Ну?

КИРСАНОВ. Он говорит: получили предписание — выполняйте...

БАЗАРИН. Та-ак. Этого и следовало ожидать.

КИРСАНОВ. Он говорит: это не только у вас в доме, это везде. Милиции это, говорит, не касается.

Зоя Сергеевна, не сказав ни слова, уходит в спальню налево.

БАЗАРИН. Проклятье. Я тебе тысячу раз говорил, Станислав: не распускай язык! Тебе не двадцать лет. И даже не сорок. В твоём возрасте нельзя быть таким идиотом и горлопаном!

ПИНСКИЙ. Золотые слова! И главное, такие знакомые... Всю жизнь я их слышу. Иногда с добавлением «жидовская морда».

КИРСАНОВ. Какой я вам горлопан? Что вы городите?

БАЗАРИН. На митинге Народного фронта ты речи произносил или папа римский? Кто тебя туда тянул? Что они — не обошлись бы без тебя?..

КИРСАНОВ. Так это когда было... А потом, при чем здесь Народный фронт? Ведь я же богач! Богач я! У меня же драгоценности! У меня меха!

ПИНСКИЙ. Э! Э! Не примазывайся! Меха — это у меня.

БАЗАРИН. Вот теперь и я считаю — хватит. Звони Сенатору.

Кирсанов молчит, выкапывает из пепельницы окурки, затягивается.

КИРСАНОВ. Не хочу. Сам звони.

БАЗАРИН. Ну, знаешь ли! Как угодно. Только я с ним за одной партией не сижу...

И тут за окном в доме напротив разом гаснут все оставшиеся еще освещенные окна. И сейчас же гаснут фонари на улице. Остается только светлое низкое небо над крышами.

В комнате делается заметно темнее.

ПИНСКИЙ (подбежав к окну). Ого! И в доме десять

тоже погасло... Так... И в доме восемь... А вы знаете, панове, во всем квартале, пожалуй, света нет! Знаешь что, Слава, кончай-ка ты выгибать грудь колесом и звони-ка ты своему Евдокимову... если, конечно, он захочет теперь с тобой разговаривать, в чем я вовсе не уверен.

КИРСАНОВ. Нет. Я никогда никого ни о чем не просил и просить не намерен. Пусть будет что будет.

ПИНСКИЙ. А кто говорит, чтобы просить? Спросить надо, а не просить...

КИРСАНОВ. А что, собственно, спрашивать? Тебе вполне определенно сказано: предписание получили? Выполняйте! Старший лейтенант милиции Ксенофонов...

Из передней доносится стук дверей, топот, приглушенное ржание. Шипящий голос произносит: «Ш-ш-ш! Тихо ты, сундук африканский!..» Щелкает выключатель. «И здесь света нет...» Другой голос отзывается нарочитым басом: «Взлзаеть... но так — нзвысоко!..» И снова раздается сдавленное ржание. Из прихожей появляется Сергей Кирсанов, младший сын профессора, ладный, сухощавый, среднего роста молодой человек в мокрой кожаной куртке, в «варенках», на голове огромная меховая шапка.

И сразу видно, что он основательно навеселе.

СЕРГЕЙ. О, веселые беседы при свечах! Старшему поколению!.. (Срывает с головы шапку и отвечает низким поклон. Говорит через плечо в прихожую.) Заходи смело, они, оказывается, не спят. Причем их тут навалом.

Появляется Артур — тоже ладный, тоже сухощавый, но на голову выше ростом. Одет он примерно так же, но на первый взгляд производит впечатление странное: он негр, и лица его в сумеречном свете почти не видно.

АРТУР (отряхивая о колено свою огромную шапку). Здравствуйте. Извиняюсь за вторжение. Мы почему-то думали, что вы уже спите.

СЕРГЕЙ (в прежней шутовской манере). Олег Кузьмич! (Кланяется.) Дядя Шура Пинский! (Кланяется.) Батюшка! (Кланяется.) А это, позвольте вам представить, Артур Петров, Артур Петрович! Мой друг! Вернее, мой боевой соратник. А еще вернее — мой славный подельщик...

КИРСАНОВ (очень не приветливо). Так. Иди-ка ты к себе.

СЕРГЕЙ. Незамедлительно! Мы ведь только представиться. Акт вежливости. А где мамуля?

КИРСАНОВ. Она занята.

СЕРГЕЙ (Артуру). А глаза добрые-добрые!

Оба ржут — довольно неприлично. Из спальни слева появляется Зоя Сергеевна.

СЕРГЕЙ. О! Мамуля! А мы тут тебя ждем. Закусочки бы, а? Немудрящей какой-нибудь. А то ведь мы усталые, с работы, мороз, транспорт отсутствует, в такси не содят...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Хорошо, хорошо, пойдемте.

Слегка подталкивая, она вытесняет обоих приятелей в прихожую и выходит за ними.

КИРСАНОВ (Пинскому, неприязненно). Вот оно, твоё потакание!

Номо Soveticus попадает в пространство надзора... Не я «читаю» «Вечный зов», «Волгу-Волгу» или картину Дейнеки «Грачи улетели», а они надзирают надо мной, идентифицируя меня

в пространстве между плотью массы и оком абсолютного наблюдателя-государства. Куда там Оруэллу с его телескрином! Значительно более незаметный, всепроникающий, этот способ

чтения рождает в читателе потребность в утверждении себя в пространстве общезначимого, в разрушении самостояния субъекта.

ПИНСКИЙ. А в чем, собственно, дело? Парнишке двадцать лет. Попробуй вспомнить, каким ты сам был в двадцать лет...

КИРСАНОВ. В двадцать лет у меня не было денег на выпивку.

ПИНСКИЙ. А у него есть! Потому что он работает! Ты в двадцать лет был маменькин сынок, а он работяга. И работа у него, между прочим, достаточно поганая. Ты бы в такой цех не пошел, носом бы закрутил...

КИРСАНОВ. Цех! Ты еще мне скажи — промышленный гигант. Кооперативная, понимаешь, забегаловка на три станка...

ПИНСКИЙ. Ну, конечно! Ну, разумеется! Ведь наши дети могут подвизаться только на великих стройках! Все-таки ты, Станислав, иногда бываешь поразительно туп. Воистину, профессор — это всегда профессор...

БАЗАРИН. Мне другое не нравится. Что это за манера такая — водить в дом иностранцев! Нашел время...

ПИНСКИЙ. Э, у них — свое время. А на наше время они поплевывают. И правильно делают...

КИРСАНОВ. Боже мой, какое счастье, что электричества нет! Ведь он едва только приходит, как сейчас же включает свой громоподобный агрегат... эту свою лесопилку!.. Особенно, когда поддаты...

И тут же, словно по заказу, взрывается оглушительная музыка. Словно заработала вдруг гигантская циркулярная пила. Впрочем, некая милосердная рука тотчас сводит этот рев почти на нет. Все трое смеются, даже Кирсанов.

ПИНСКИЙ. У него же портативный есть, на батарейках!

КИРСАНОВ (Базарину). Да, Кузьмич, оставляем мы тебе команду не в добром порядке.

БАЗАРИН. Ты что, собственно, имеешь в виду?

КИРСАНОВ. А то я имею в виду, что меня вот забирают. Шурку забирают, и остается мой оболтус, хочешь ты этого или не хочешь, на тебе.

БАЗАРИН. Перестань. Никуда вас особенно не забирают... и потом, позволь напомнить тебе, у Сергея Александр же еще остается. Как-никак старший брат...

КИРСАНОВ. Александр... Александра тоже придется тебе тянуть. Если уж на то пошло, то скорее уж Сережка не пропадет — он в этом мире как рыба в воде. А вот Александра тебе придется тащить. И двух его детей. И двух его бывших жен. И третью жену, между прочим. У меня, честно говоря, такое впечатление, что там уже третья намечается...

ПИНСКИЙ. Да, Олег Кузьмич, вы еще сто раз пожалуете, что сами повестки не получили. Представляете? «Словоблуды города Питера!» И — никаких вам хлопот с чужими детьми.

Вбегает Сергей.

СЕРГЕЙ. Пардон, пардон и еще раз пардон! Пап, мамуля сказала, что у тебя свечки лишние найдутся. Дай парочку, не пожалей для любимого сына!

КИРСАНОВ (роясь в бюро). Обязательно надо перед приходом домой надраться...

СЕРГЕЙ. Да кто надрался-то? Пивка выпили, и все.

КИРСАНОВ. Тысячу раз просил не являться домой в пьяном виде!.. Кто этот негр, откуда взялся? Зачем та-скаешь в дом иностранцев?

СЕРГЕЙ. Да какой же он иностранец? Петров, Артур Петрович, наш простой советский человек. Мы с ним под Мурманском служили. Я ведь тебе рассказывал. Он же меня в эту фирму пристроил.

БАЗАРИН. А почему он тогда такой черный?

СЕРГЕЙ. А потому, что у него папан — замбийский бизнесмен. Он тут у нас учился. В Лумумбе. А потом, натурально, уехал — удалился под сень струй.

БАЗАРИН. Ах вот оно как. То есть он, получается, замбиец...

СЕРГЕЙ. Ну, положим, не замбиец, а га...

БАЗАРИН. Что? В каком смысле — га? Не понимаю.

СЕРГЕЙ. Объясняю. Папан у него из племени га. Есть такое племя у них в Замбии. Га. Но на самом деле Артур, конечно, никакой не га, а самый обыкновенный русский.

БАЗАРИН (глубокомысленно). Ну да, разумеется, поскольку мать у него русская, то вполне можно считать...

СЕРГЕЙ. Мать у него не русская. Мать у него вепска.

ПИНСКИЙ (страшно заинтересовавшись). Кто, кто у него мать?

СЕРГЕЙ. Вепска. Ну, карелка! Ну, я не знаю, как вам ее еще объяснить. Народ у нас есть такой — вепсы...

КИРСАНОВ. Ладно. Бери свечи и удались с глаз долой.

СЕРГЕЙ. Слушаюсь, ваше превосходительство! Премного благодарны, ваше превосходительство! (Уходит.)

БАЗАРИН. Ну и поколение мы вырастили, господи ты боже мой!

ПИНСКИЙ. Да уж. С чистотой расы дело у них обстоит из рук вон плохо. По-моему, все они русофобы.

БАЗАРИН. Ах, перестаньте вы, Александр Рувимович! Вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду. Нельзя жить без идеалов. Нельзя жить без авторитетов. Нельзя жить только для себя. А они живут так, будто кроме них никого на свете нет...

КИРСАНОВ. Жестоки они — вот что меня пугает больше всего. Живодеры какие-то безжалостные... Во всяком случае, так мне иногда кажется... Без морали. Ногой — в голову. Лежачего. Не понимаю...

ПИНСКИЙ. Не понимаешь... Мало ли чего ты не понимаешь. А понимаешь ты, например, почему они при всей своей жестокости так любят детей?

КИРСАНОВ. Не замечал.

ПИНСКИЙ. И напрасно. Они их любят удивительно нежно и... не знаю, как сказать... бескорыстно! Любят трогать их, тискать, возиться с ними любят. Радуются, что у них есть дети... Это совершенно естественно, но согласитесь, что у нашего поколения все это было не так... А то, что ты их не понимаешь... так ведь и они тебя не понимают.

КИРСАНОВ. Не собираюсь я с тобой спорить, я только вот что хочу сказать: я не огорчаюсь, если люди не понимают меня, но мне становится очень неуютно, когда я не понимаю людей. Особенно своих детей.

Пауза.

ПИНСКИЙ (ни с того ни с сего). Был бы я помоложе,

Василий Селюнин
Экономика императивно требует утверждения частной собственности, идеология — ее уничтожения. Часто говорят: страна на краю пропасти. Продолжим этот образ: на узком мостике над

пропастью сошлись экономика и идеология, уперлись лоб в лоб, той и другой обратного хода нет — не развернешься. Кому-то лететь в бездну. Компромисс

исключен, он означал бы просто бездействие — авось, мол, противостояние как-то само собой разрешится. Этого не будет.

взял бы сейчас ноги в руки, только бы меня здесь и видели. Вынырнул бы где-нибудь в Салехарде, нанялся бы механиком в гараж, и хрен вам в зубы...

КИРСАНОВ. Ну да — без паспорта, без документов. Всю жизнь скрывайся, как беглый каторжник...

ПИНСКИЙ. Да что ты понимаешь в документах, профессор? Тебе какой документ нужен? Давай пять сотен, завтра принесу.

Пауза.

КИРСАНОВ. Ноги в руки тебе надо было в прошлом году брать. Сидел бы сейчас в Сан-Франциско — и кум королю!

ПИНСКИЙ. Нет уж, извини. Я всегда тебе это говорил, и сейчас скажу. Они меня отсюда не выдавят, это моя страна. В самом крайнем случае — наша общая, но уж никак не ихняя. У меня здесь все. Мать моя здесь лежит, Маша моя здесь лежит, отца моего здесь расстреляли, а не в Сан-Франциско... Я, дорогой мой, это кино намерен досмотреть до конца! Другое дело — голову под топор подставлять, конечно, нет охоты. Вот я и говорю: молодость бы мне. Годиков ну хотя бы пятнадцать скинуть... дюжину хотя бы...

Звонит телефон. Все вздрагивают и смотрят на аппарат.

Затем Кирсанов торопливо хватается трубку.

КИРСАНОВ. Да!.. Это я... Ну? *(Слушает.)* А что случилось? *(Слушает.)* Ты мне скажи, дети в порядке?.. Ну спускайся, конечно... *(Вешает трубку.)* Это Санька. У него какой-то нетелефонный разговор. Посреди ночи. *(Замечает, что в дверях стоит Зоя Сергеевна.)* Это Санька звонил, лапонька. С детьми все в порядке, но есть какой-то нетелефонный разговор. Сейчас он спустится.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Повестку получил.

КИРСАНОВ *(ошеломленно)*. Откуда ты взяла?

Зоя Сергеевна, не отвечая, подходит к столу и протягивает что-то Кирсанову.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. На, прими нитронг.

КИРСАНОВ. Чего это ради? Я нормально себя чувствую. *(Кладет таблетку на язык, запивает из чашки.)* Я совершенно спокоен. И тебе советую.

Входит Александр Кирсанов, старший сын. Такой же, как отец, рослый, рыхловатый, русокудрый, но без бороды и без какого-либо апломба. Живет он на последнем этаже по этой же лестнице. Видимо, только что разбужен — лицо помятое, волосы всклоочены, он в пижаме, в руке его листок бумаги.

АЛЕКСАНДР. Папа, я ничего не понимаю! Посмотри, что мне принесли. *(Протягивает отцу листок. Обращается к Базарину и Пинскому.)* Здравствуйте.

Зоя Сергеевна со словами «дай сюда» перехватывает листок и склоняется у свечи. Все молчат. Зоя Сергеевна читает, потом молча возвращает листок мужу, а сама садится у стола и роняет лицо в ладони.

КИРСАНОВ *(плачущим голосом)*. Ну что же это за

мерзость, в самом деле! «Распутники города Питера...» Ну как вам это нравится?

БАЗАРИН. Распутники?!

КИРСАНОВ. «Распутники города Питера»! Явиться к восьми утра на стадион Красная Заря...

АЛЕКСАНДР *(ноет)*. Я не понимаю, как я это должен понимать... Я сначала подумал, что это розыгрыш какой-то... Но ведь приходил настоящий посыльный в какой-то черной форме... расписаться потребовал...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА *(не отнимая рук от лица)*. Дети проснулись?

АЛЕКСАНДР. Да нет, они спят. И потом, там у меня... В общем, там есть человек... Папа, ты что, считаешь, что это серьезно?

ПИНСКИЙ. Понимаешь, Саня, мы с папой тоже такие повестки получили. Во всяком случае, похожие.

АЛЕКСАНДР. Да? Ну, и что теперь надо делать? Идти туда надо, что ли? За что? Папа, ты бы позвонил кому-нибудь.

КИРСАНОВ. Кому?

АЛЕКСАНДР. Ну, я не знаю, у тебя же полно знакомых высокопоставленных... Объясни им, что у меня двое детей, не могу же я их бросить, в самом деле... Как же это можно? Что у нас сейчас — тридцать седьмой год? Тогда — враги народа, а тут вот распутником объявили ни с того ни с сего... Какой я им распутник? У меня двое детей маленьких! Пап, ну позвони хотя бы ректору! Он же все-таки член бюро горкома?

ПИНСКИЙ. Саня, сядь. Вот выпей чаю. Он остыл, но это ничего, хороший чай, крепкий... Не унижайся. Не унижайся, пожалуйста. И отца не заставляй унижаться. Они ведь только этого и хотят, — чтобы мы перед ними на колени встали. Им ведь мало, чтобы мы им просто подчинялись, им еще надо, чтобы мы у них сапоги лизали...

АЛЕКСАНДР. Так ведь надо же что-то делать, дядя Шура... Может быть, это ошибка какая-нибудь вышла... Может, можно как-то договориться. В крайнем случае отсрочку какую-нибудь получить... Ну позвони, пап!

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. У тебя там Галина сейчас?

АЛЕКСАНДР *(расстроенно)*. Да.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Она завтра сможет побыть с детьми?

АЛЕКСАНДР. Откуда я знаю? Сможет, наверное...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА *(поднимается)*. Пойдем со мной, я тебе дубленку отдам.

АЛЕКСАНДР. Зачем? Какую еще дубленку?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Твою. На которой я пуговицы перешила. *(Направляется к двери в спальню.)*

ПИНСКИЙ. Не надо ему дубленку. Отберут у него эту дубленку в первый же день.

АЛЕКСАНДР *(безвольно следуя за матерью)*. Да кому она нужна, старая, облезлая... Папа, ты пока позвони... Ну надо же что-то делать... *(Уходит.)*

КИРСАНОВ. Мерзость... Мерзость!!! Ну хорошо, не угодили вам, не потрафили — посадите в тюрьму, к стенке поставьте, но ведь этого вам всегда мало! Надо сначала в лицо наплевать, вымазать калом, в грязи вывалить! Перед всем честным народом — обгадить, опозорить, в парию обратить! «Богач»! «Распутник»! Это

Санька-то мой — распутник! Да он же ни с какой бабой в постель лечь не может без штампа в паспорте, для него же половой акт — это таинство, освященное законом, а иначе — порок, срам, грех! Нет, он, видите ли, распутник... Ну какая же все-таки подлая страна! Ведь силища же огромная, ни с чем не сравнимая, из любого человека может сделать мокрое пятно, из целого народа может сделать мокрое пятно!.. Но почему же обязательно не просто, не прямо, а с каким-нибудь подлым вывертом?..

БАЗАРИН. Станислав, прекрати.

КИРСАНОВ. Нет уж, я скажу. Я и тебе скажу, и завтра им все это скажу! Ведь я чего-нибудь вроде этого ждал. Мы все этого ждали. «Товарищ, знай, пройдет она, эпоха безудержной гласности, и Комитет госбезопасности припомнит наши имена!..» Прекрасно знали! Что не может у нас быть все путем, обязательно опять начнут врать, играть мускулами, ставить по стойке «смирно»! Но вот такого! Презрения этого... унижения!.. Я давно пытаюсь представить себе, как должен выглядеть человек, отдельный человек, личность, обладающий теми же свойствами, что наша страна... Вы только подумайте, какой это должен быть омерзительный тип — чваный, лживый, подлый, порочный... без единого проблеска благородства, без капли милосердия...

БАЗАРИН. Перестань сейчас же, я тебе говорю! Как тебе не стыдно? Это уже действительно чистая русофобия!

ПИНСКИЙ. Ах-ах! Ну конечно же — русофобия. Обязательно! Везде же русофобы! Я только теперь понимаю, почему меня в пятидесятом на физфак не приняли! Русофобы! Пронюхали, подлецы, что у меня бабушка русская... Стыдитесь, Олег Кузьмич! При чем здесь русофобия? Он же слова дурного про русских не сказал! Зачем же передергивать? И так тошно.

БАЗАРИН. Нет уж, голубчики! Это уж вы не извольте передергивать, Александр Рувимович и Станислав Александрович! Я и без вас все прекрасно понимаю! Точно так же, как и вы, я полагаю, что происходящее недостойно, но я-то считаю, что оно недостойно страны. Не страна у нас недостойная, как вы изволите утверждать, а то, что с нами происходит сейчас, — недостойно нашей страны. Это разные вещи, и путать их не надо. Проще простого — свалить в одну кучу и страну, и всех дураков с негодьями, которые в ней водятся... Я понимаю, мы с вами не в равном положении сейчас. Вы — под ударом, а я как бы выхожу чистенький... Но уверяю вас, если бы эта молния ударила и в меня тоже, я бы закричал, конечно, потому что больно, потому что обидно, понимаю, но я бы заставил себя задуматься: почему? Почему выбрали именно меня? Может быть, все-таки не зря выбрали? Может быть, я жил как-то неправильно?.. Ведь все наши дураки и негодьяи, они же к нам не с неба свалились, они же из нас, из гущи нашей, они глупые, однако нутром своим они всегда выражают именно гущу, ту самую, от которой мы все оторвались, отгородились своими окладами, своей чистенькой работкой, и когда нам говорят: ну ты, гад, выйди из строя, на колени! — может быть, не об унижении своим барском думать надо, а о том надо думать, что это наш последний шанс уразуметь, почему мы чужие, и покаяться... Не перед дураками покаяться, которые нас из строя выдернули, а перед строем...

КИРСАНОВ. Да каяться-то в чем? В чем каяться? И перед каким таким строем? Перед общественным, что ли?

БАЗАРИН. Я не знаю, в чем ты должен каяться. Это тебе виднее. Я тебе уже говорил, что с определенной точки зрения и ты, и я, и он, мы все — зажавшиеся бары, которые берут много, а отдают мало. Мы привыкли к

этому, и нам кажется, что так и должно быть. Мы сами построили себе свой модус вивенди, мы сами построили себе удобную в употреблении мораль... Ты вот защищаешь Саньку, что он у тебя бабник не простой, а законопослушный, но ты пойми, что, с точки зрения тети Моти, он и есть самый настоящий распутник! В тридцать лет — две жены, каждой по ребенку заделал, а теперь пожалуйста — у него еще и какая-то Галина... Ну что это — не распутство?

ПИНСКИЙ. Ну, хорошо. Положим, Саньку можно кастрировать в крайнем случае. А со мной что вы прикажете делать? Тетя Мотя ведь не еврей, а я еврей, дрянь этакая...

БАЗАРИН. Перестаньте, Александр Рувимович! При чем здесь опять еврей? Вы меня знаете, я не антисемит, но эта ваша манера сводить любую проблему к еврейскому вопросу...

ПИНСКИЙ. Ну да, конечно! А как насчет вашей манеры — все сводить к мнению тети Моти?..

БАЗАРИН (*проникновенно*). Когда я говорю о тете Моте, я имею в виду мнение большинства. Того самого большинства, к которому все мы склонны относиться с таким омерзительным высокомерием... Я подчеркиваю: я тоже грешен! Но я хотя бы пытаюсь, хотя бы иногда, встать на эту точку зрения и посмотреть на себя с горы...

ПИНСКИЙ (*с нарочитым еврейским акцентом*). Таки себе хорошенький пейзажик, наверное, открывается с этой вашей горы!

БАЗАРИН. Вы, Александр Рувимович, совершенно напрасно все время стараетесь меня вышутить. Остроты отпускать — самое простое дело и самое пустое! Вы понять попытайтесь. Понять. Не до шуток сейчас, поверьте вы мне...

ПИНСКИЙ. А это уж позвольте мне самому решать. По мне так с петлей на шее лучше уж остеречь, чем каяться. А если уж и каяться, то никак уж не перед вами и не перед загадочной вашей тетей Мотей!

БАЗАРИН (*бормочет*). Гордыня, гордыня... Все мимо ушей...

КИРСАНОВ (*вдруг*). Да, гордыня. Это верно. Хватит. (*Подходит к телефону, набирает номер*.) Сенатор? Ох, слава богу, что ты не спишь... Это Слава говорит. Слушай, мы здесь попали в какую-то дурацкую переделку. Представь себе: моему Саньке вдруг приносят повестку... (*Замолкает, слушает*.) Нет... Нет-нет... «Распутники города Питера»... (*Слушает*.) Понятно... Понятно... И что ты намерен делать? (*Слушает*.) Нет, Зоя не получала, а я получил... (*Слушает*.) Понятно... Ну, значит, все будет как будет. Прощай. (*Вешает трубку*.) Он уже упаковался. Он у нас отныне «политикан города Питера»!

Освещенное небо за окном гаснет. Город погружается в непроглядную тьму.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Два часа спустя. Та же гостиная, озаренная свечами. Кирсанов за столом, придвинув к себе все канделябры, что-то пишет. Зоя Сергеевна пристроилась тут же с какой-то иштонкой. Большие в комнате никого нет. Тихо. На самом пределе слышимости звучит фонограмма песен современных популярных певцов.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Что ты пишешь?

КИРСАНОВ (*раздраженно*). Да опишь эту чертову составляющую...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Господи. Зачем?

КИРСАНОВ (*раздраженно*). Откуда я знаю? (*Перестает писать.*) Надо же чем-то заняться... (*Пауза.*) А эти молодцы все развлекаются?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Надо же чем-то заняться...

КИРСАНОВ. Надрались?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Нет. Во всяком случае, в меру. Слушают музыку и играют в какую-то игру. На специальной доске.

КИРСАНОВ. В нарды, что ли?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Нет. Какое-то коротенькое название. То ли японское, то ли китайское...

КИРСАНОВ. В го?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Да. Правильно. В го.

Пауза.

В отдалении Гребеничиков стонуце выводит:

Этот поезд в огне — нам не на что больше жать,

Этот поезд в огне — нам некуда больше бежать.

Эта земля была нашей, пока мы не погрязли в борьбе...

КИРСАНОВ. Вождь из племени га сидит и играет в го.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Сережка деньги отдал. Двести рублей.

КИРСАНОВ. Что еще за двести рублей?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Говорит, ты ему давал в долг. В прошлом году.

КИРСАНОВ. Гм... Не помню. Но похвально. (*Пауза.*) Ты ему все рассказала, конечно...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Конечно.

КИРСАНОВ. Ну, и как он отреагировал?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Сначала заинтересовался, стал спрашивать, а потом ехидно спросил: «Веревку велено свою приносить или казенную там на месте дадут?»

КИРСАНОВ. Замечательное все-таки поколение. Отца забирают черт-те знает куда, а он рассказывает по этому случаю анекдот и садится играть в го...

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Он считает, что нам с тобой вообще никуда не следует ходить...

КИРСАНОВ (*раздраженно*). Ну да, конечно! Он хочет, чтобы они пришли сюда, чтобы вломились, заковали в наручники, по морде надавали... (*Некоторое время угрюмо молчит, а потом вдруг с невеселым смешком произносит нарочито дребезжащим старческим голосом.*) «Что, ведьма, понарожала зверья? Санька твой иезуит, а Сережка фармазон, и пропьют они добро мое, промотают!.. Эх, вы-и!»

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (*утешающе*). Я думаю, ничего особенно страшного не будет. Отправят куда-нибудь на поселение, будем работать в школе или в детском доме... Обыкновенная ссылка. Я помню, как мы жили в Карабуте в тридцать девятом году. Была мазанка, печку кизяком топили... Но холодина была зимой ужасная... А вместо сортира — ведро в сенях. Тетя Юля, покойница, она языкастая была... вернется, бывало, из сеней и прочтет с выражением: «Я люблю ходить в ведро, заносить над ним бедро, писать, какать, а потом возвращаться в теплый дом»... Две женщины немолодые, девчонки — и ничего, жили...

КИРСАНОВ (*с нежностью*). Бедная ты моя лапа... (*Слышится стук в наружную дверь.*) Погоди, я открою. Это, наверное, Кузьмич, совесть его заела...

Он выходит в прихожую и возвращается с Пинским. Пинского не узнать: он в старом лыжном костюме, туго перетянутом солдатским ремнем, на голове — невообразимый трехух, на ногах — огромные бахилы. В руке у него тощий облезлый рюкзак типа «сидор».

ПИНСКИЙ. Я решил лучше у вас посидеть. Одному как-то тоскливо. Кстати, куда мне ключ девать? Сережке отдать, что ли? Я надеюсь, ему повестку еще не принесли?

КИРСАНОВ. Еще не принесли, но могут и прислать. «Разгильдяи города Питера!»...

ПИНСКИЙ. Да нет, вряд ли. Молод еще. Хотя, с другой стороны, тетя Мотя у нас ведь непредсказуема.

КИРСАНОВ. Правильнее говорить не «тетя Мотя», а «Софья Власьевна».

ПИНСКИЙ. А это одно и то же. Софья Власьевна, а кликуха у ей — тетя Мотя.

КИРСАНОВ. Да-а, юморок у нас с тобой, Шурик... предсмертный.

ПИНСКИЙ. Типун тебе на язык, старый дурень! Не дрейфь, прорвемся. В любом случае это ненадолго. Агония! Предсмертные судороги административно-командной системы. Я даю на эти судороги два-три года максимум...

КИРСАНОВ. Знаешь, в наши годы — это срок.

ПИНСКИЙ. Зоя, что это ты делаешь?

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. «Молнию» пришиваю.

ПИНСКИЙ. Ну и глупо. Завтра она у него сломается, и что тогда прикажете делать? Пуговицы надо! Самые здоровенные... И никаких «молний», никаких кнопочек... Слушай, пойдем посмотрим, что ты там ему упаковала... Пошли, пошли!

КИРСАНОВ. Тоже мне, старый зек нашелся.

ПИНСКИЙ. Давай, давай, поднимайся... Зек я там или не зек, а на зеков нагляделся — я с ними две стройки коммунизма воздвиг, пока ты в кабинетах задницу наедал!..

Все трое уходят в спальню, и некоторое время сцена пуста. Слышен сдавленный голос Виктора Цоя:

Мы хотели пить — не было воды,

Мы хотели света — не было звезды,

Мы шли под дождь и пили воду из луж...

Мы хотели песен — не было слов.

Мы хотели спать — не было снов...

Из прихожей справа появляется Базарин.

БАЗАРИН. Можно? У вас там опять замок заклинило...

Проходит на середину комнаты, озирается, останавливается у стола и, зябко потирая руки, читает оставленную на столе опись. Потом пожмывает плечами, снова озирается, берет телефонную трубку и быстро набирает номер. Некоторое время слушает, потом нервным движением бросает трубку. Из спальни выходит Кирсанов.

КИРСАНОВ. А, это ты... Куда звонишь?

БАЗАРИН. Да так... Занято все время. Ну, можешь меня поздравить. «Дармоед города Питера».

КИРСАНОВ (*не поняв*). То есть? (*И тут до него доходит.*) Ну да?! Тоже получил?

БАЗАРИН. Пожалуйста, прошу полюбоваться... (*Вынимает из нагрудного кармана и протягивает Кирсанову сложенную повестку.*)

КИРСАНОВ (*кричит*). Шурка! Зоя! Идите сюда! Кузьмич повестку получил!

Первым выскакивает Пинский, за ним появляется Зоя Сергеевна с теплыми кальсонами в руках.

ПИНСКИЙ. Что такое? Что случилось? Епиходов кий сломал?

КИРСАНОВ. Нашего полку прибыло. (*Читает с выражением.*) «Дармоеды города Питера! Все дармоеды горо-

да Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на площадь перед городским крематорием...» Ого! Ничего себе, выбрали местечко!

ПИНСКИЙ. Какие все-таки подонки!

КИРСАНОВ (*продолжает читать*). «...иметь при себе документы, в том числе: аттестат, диплом и удостоверения об окончании специализированных курсов, а также необходимые письменные принадлежности...» Заметьте, ни о деньгах, ни о драгоценностях — ни слова. «Дармоеды, не подчинившиеся данному распоряжению, будут мобилизованы приводом. Председатель-комендант...» Ну, и так далее. Что ж, все как у людей.

ПИНСКИЙ (*глубокомысленно*). Это они, видимо, придурков набирают.

КИРСАНОВ (*с укоризной*). Шура!

ПИНСКИЙ. Что такое? Ты не понимаешь! Придурок в лагере — фигура почтенная, дай нам бог всем стать придурками... Олег Кузьмич, а кто вам эту штуку доставил? Все тот же самый?

БАЗАРИН. Представьте себе, нет. Такой маленький, толстенький, немолодой уже... В очках, очень вежливый. Но ничего, конечно, толком не объяснил, потому что и сам не знает.

ПИНСКИЙ. Ясно. Ну что ж, Олег Кузьмич, надо вам собираться... Позвольте несколько советов. Берите вещи теплые, поношенные, прочные, но самые неказистые. Никакого новья, никакой «фирмы», вообще лучше никакого импорта... Сало есть у вас дома? Возьмите сала.

БАЗАРИН. Да откуда у меня сало?

ПИНСКИЙ. А что — вы не любите сало? Вот странно! Глядя на вас, никогда бы не подумал...

БАЗАРИН. Я, если хотите знать, вообще свинины не люблю и не ем.

КИРСАНОВ (*мрачно усмехаясь*). «Для чего же ты не ешь свинины? Только турки да жида не едят свинины...»

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (*из спальни*). Слава, иди сюда!

КИРСАНОВ. Иду! (*Уходит.*)

ПИНСКИЙ. Прошу прощения, Олег Кузьмич, я тоже вас покину, а то они там без меня наворотят... Этот обалдуй электробритву хотел с собой взять, еле-еле я успел перехватить... (*Уходит.*)

Базарин сейчас же подходит к телефону и снова набирает номер. Видимо, снова занято.

БАЗАРИН. Ч-черт...

Вешает трубку, принимается нервно ходить взад-вперед, лихорадочно моя руки воздухом. Слышно, как в отдалении играет музыка, и Юрий Шевчук хрипло кричит: «Предчувствие-е-е... гражданской войны!...» Базарин останавливается около телефона, кладет руку на трубку и снова настороженно озирается. Потом снимает трубку и набирает номер.

БАЗАРИН. Алло. Семьсот два дайте, пожалуйста... Николай Степанович? Ах, это Сергей Сергеевич... Пардон, не узнал вас... Да, богатым будете... Вы знаете, Сергей Сергеевич, мне тут не совсем удобно разговаривать, поэтому, разрешите, я коротко. Понимаете, я получил доволь-

но странную повестку. Я бы даже сказал, оскорбительную. И дело не в том, что я напуган, как здесь некоторые, мне бояться нечего, но я не желаю принимать этот тон, все эти выражения, это оскорбительно... мне кажется, я этого не заслужил. Во-первых, я не понимаю, кто, собственно, проводит это мероприятие... что это за организация такая — «Социальная Ассенизация»? И что это за должность такая — «председатель-комендант»? Это же несерьезно, это же оперетта какая-то! Такое впечатление, будто это мероприятие имеет только одну цель — оскорбить человека... Что?... Представьте себе: в крематорий! Это же просто издевательство какое-то... Что?

Входит Александр, волоча за лямку потрепанный рюкзак. Базарин смотрит на него, но в то же время как бы и не видит, — все внимание его приковано к разговору.

БАЗАРИН. Это я понимаю... Это я п... Да, все это правильно, но я всегда полагал, что есть граждане, само положение которых... Что?... Ах, вы так ставите вопрос... Ну, тогда конечно... хотя я со своей стороны... Да, разумеется... Хотя я со своей стороны... Что? Слушаюсь. Понял. Хорошо. (*С расстроенным видом кладет трубку.*) Канцелярия чертова, аппаратчики...

АЛЕКСАНДР (*жадно*). А что они вам сказали?

БАЗАРИН. Что они мне сказали? Хе! Что они мне могли сказать? (*Словно очнувшись.*) Кто это — «они»? Ты про кого спрашиваешь?

АЛЕКСАНДР. Ну эти... с которыми вы разговаривали. Я понял, это какое-то большое начальство...

БАЗАРИН (*неприязненно*). Начальство, мочальство... Ты, собственно, чего сюда приперся? Рано же еще.

АЛЕКСАНДР. Не знаю. У меня там все спят. А я заснуть никак не могу... Так что они вам сказали?

БАЗАРИН (*язвительно*). Они мне сказали, что мероприятие находится под контролем. Под полным контролем! Так что, голубчик мой, можешь собирать свои вещи и отправляться в крематорий!

АЛЕКСАНДР (*тупо*). Мне не в крематорий назначено, мне на стадион «Красная Заря»... А может быть, еще кому-нибудь позвоните, Олег Кузьмич?

БАЗАРИН. Все. Больше никому.

АЛЕКСАНДР (*нещадно хрустя суставами пальцев*). Я все-таки никак не могу понять, что же это такое с нами происходит? Куда нас, в конце концов, забирают? Это что — мобилизация какая-то? Или, наоборот, наказание? Или еще чего-то? Что мы там — каналы будем копать? Или это переподготовка какая-нибудь? Или перевоспитание очередное? А может быть, и вообще тюрьма? Только если это тюрьма, то абсолютно непонятно — за что? У нас же сейчас не тридцать седьмой год! Даровая рабсила понадобилась? Опять же не те времена: мы же съедем больше, чем настроим. Сколько раз уже сказано было и доказано было, что рабский труд нерентабелен... И вообще, как это можно — всех под одну гребенку? А если у меня бронхиальная астма? Я хоть завтра достану справку, что у меня бронхиальная астма... Я вообще не понимаю, кому это все понадобилось? Зачем? Это же просто экономически невыгодно! И без того вся экономика по швам трещит, а они тут разыгрывают такие мероприя-

тия... Я, между прочим, системный программист, какой же смысл меня на лопату ставить, на киркомотыгу какую-нибудь?

БАЗАРИН (*проникновенно*). Я другого не могу понять. Я самого принципа понять не могу! Ну, хорошо: евреи. Это я понимаю. Это еще можно как-то понять...

АЛЕКСАНДР. А что они? Вы знаете что-нибудь?

БАЗАРИН. Подожди, не отвлекайся... Я могу понять экспроприацию. В конце концов, финансовое положение действительно требует чрезвычайных мер. Но не таких же! Пусть будет реформа, сколь угодно жесткая... Пусть будет налоговая система, самая беспощадная... И даже не в этом дело! В конце концов, есть же люди, которые, так сказать, являются опорой! Так сказать, костяком! Нельзя же опору подрывать! Я понимаю, что настала пора радикального лечения организма. Я, кстати, давно уже это утверждаю... и призываю... Однако это уже получается не лечение, это уже какой-то мрачный анекдот! Усекновение головы — лучшее средство от мигреней...

АЛЕКСАНДР (*вставляет*). Главное, непонятно, чего они этим хотят добиться...

БАЗАРИН (*отмахивается от него*). Чего они хотят добиться — это как раз понятно. Контроль утрачен над обществом, неужели ты не видишь? Страна захлебывается в собственных выделениях... Крутые меры необходимы! Ассенизация необходима! Вот оно — откуда у них это слово! Слишком далеко мы зашли — понимаешь, в чем дело? Теперь легко не отделаемся, и поделом нам всем — по вору и мука!

АЛЕКСАНДР. Ну да... А я-то здесь при чем? Тоже мне — нашли вора... Сами напахали невесть чего, а я должен за это расплачиваться?

БАЗАРИН. Конечно, должен! Тебе, Саня, между прочим, уже тридцать годиков миновало, не маленький! Не только мы пахали, но и вы пахали!

АЛЕКСАНДР. А дети мои при чем?

БАЗАРИН. Это несерьезный разговор. Чего ты от меня хочешь? Таковы законы истории. Когда приходит время расплачиваться, расплачиваются все — и виноватые, и ни в чем не повинные. Это тебе не ресторан, не жди, никто не скажет: «Счет — мне, пожалуйста».

Из спальни слева выходят Пинский, Зоя Сергеевна и Кирсанов.

ПИНСКИЙ (*втолковывает*). ...А самое правильное — взять сейчас твой «Жигуль» и дернуть куда-нибудь подальше...

КИРСАНОВ. Ну что ты за глупости опять порешь! Ну поймают же, мерзко, за ухо приволокут, как поганых щенков...

ПИНСКИЙ (*орет*). Да кто тебя будет ловить? Кому ты нужен? Отсидишься у себя в Псковской — и вася-кот!

КИРСАНОВ (*орет*). Сам ты дурак! Я же тебе объясняю: колес нет, ни одной целой покрывки нет, ни одной!

ПИНСКИЙ. У тебя никогда ничего нет, когда нужно.

КИРСАНОВ. Да! У меня никогда ничего нет! И отстань от меня! Я на старости лет зайца из себя изображать не намерен! Ты второй раз разговор на эту тему заводишь, и я тебе окончательно говорю: не желаю слушать!

ПИНСКИЙ (*с отчаянием*). Господи ты боже мой, ну, кто мог подумать, что все это будет так мерзко, так срамно, унижительно, позорно... Беспомощные дряхлые старикашки, ведь это мы итоги с вами подбиваем! Срамная жизнь, срамное подыхание!

КИРСАНОВ (*топает в бешенстве ногами*). Прекрати! Не желаю этого слушать! Не позволю! Откуда ты знаешь? Мы еще посмотрим! Вот соберется нас пятьдесят тысяч на площади, мы еще посмотрим, что из этого получится! Это тебе не прежние времена! Рабов больше нету! Я на этой площади уже один раз выступал, я и второй раз выступить могу! Они еще пожалеют, что сомнили нас всех в одно место!...

Голос у него срывается, и он принимается надрывно кашлять. Зоя Сергеевна торопливо подсовывает ему чашку остывшего чая, а он отстраняет эту чашку и все тичится провозгласить еще что-то, но только отчаянно сипит и больше ничего не может.

ПИНСКИЙ (*перепугавшись*). Да ладно тебе, ну хорошо, хорошо, успокойся только, ради бога... (*Дергает Кирсанова за мочку уха и похлопывает его ладонью между лопаток, издавая губами поцелуйные звуки.*) Черт знает что они с нами делают.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (*сердито*). А ты бы, между прочим, язык свой мог бы поменьше распускать...

ПИНСКИЙ. Ну, хорошо, ну, виноват, не буду больше... (*Базарину.*) Ну, как вы тут, Олег Кузьмич? Что это вы там про рестораны рассуждали?

БАЗАРИН (*с изумлением*). Я? Про рестораны?

ПИНСКИЙ (*поспешно*). Наверное, мне послышалось. Виноват... (*Александру.*) Что, Саня, собрался уже? Это хорошо. Молодец. (*Решительно.*) Знаешь что? Пойдешь со мной.

АЛЕКСАНДР. У меня же «Красная Заря»...

ПИНСКИЙ. А наплевать на «Красную Зарю». Давай мне твою повестку, сейчас я там все переправлю и напишу «исправленному верить»... (*Спохватывается.*) Нет, это я чепуху говорю. С жидками тебе лучше не связываться. От жидов, голуба моя, держись сегодня подальше. А вот если с отцом тебя наладить — это хорошая идея! Ты как считаешь, Станислав Александрович?

АЛЕКСАНДР (*тупо повторяет*). У меня же «Красная Заря», дядя Шура. «Красная Заря»...

ПИНСКИЙ (*нетерпеливо*). Господи, да неважно это. Кому какое дело? Давай повестку, я тебе сейчас же все переправлю...

АЛЕКСАНДР (*отступая на шаг*). Ну нет, не надо... Еще хуже будет. Зачем это мне?... Вот если бы папа со мной пошел...

ПИНСКИЙ (*некоторое время смотрит на него ошеломленно, затем кривится в усмешке*). Да, это замечательная идея. Там, в твоей компании, папа будет как раз на месте — самый старый распутник города Питера.

КИРСАНОВ (*севшим голосом*). Я требую, чтобы здесь перестали нагнетать ужасы! Неужели непонятно, что сейчас не те времена? Настоящий террор невозможен — я утверждаю это с полной ответственностью. Все это — очередная глупость нашего начальства, и ничего больше.

Сегодня же вечером все мы будем дома. (*Жадно пьет остывший чай из стакана.*) А если и не будем, то все равно не пропадем...

ГОЛОС ИЗ ПРИХОЖЕЙ. Хозяева! Есть тут кто?

В дверях появляется Егорыч, местный сантехник, неопределенных лет мужчина, кургузый, в кургузом пиджачке и изжженных брюках. В руке у него мотается зажженная свечечка, на ногах он держится нетвердо.

ЕГОРЫЧ. Я извиняюсь, я звоню, звоню, никто не выходит, а дверь открытая... С-нислав С-саныч, я извиняюсь, конечно, я тебя спросить хочу... Хглупость какая-то. Прихожу домой, супруга моя не спит, говорит: повестку тебе принесли, доигрался. Фамилие мое, адрес мой. Явиться на Вторую сортировочную. Ладно. Все понятно. Одно непонятно: какие-то удивительные слова попадают... какой-то мздоним... нзаданим... Посмотри, пожалуйста. Может, это вообще не ко мне?

ПИНСКИЙ (*берет у него повестку*). Какой еще там бздоним? Гм... Действительно, какое-то странное слово. И еще вдобавок от руки накорябано... А-а-а! (*Хохочет.*) Ну, так все правильно, Егорыч! «Мздоимцы города Питера»!

ЕГОРЫЧ. Какие?

ПИНСКИЙ. Мздоимцы! Которые мзду имут, понимаешь?

ЕГОРЫЧ. Ну?

ПИНСКИЙ. Ну вот и явишься. Куда там тебе? Вторая сортировочная?

БАЗАРИН. Перестаньте издеваться над человеком, Александр Рувимович! (*Раздраженно выхватывает повестку из руки Пинского.*) Дайте сюда... (*Читает про себя.*) Черт знает что...

ПИНСКИЙ. Вот именно, Олег Кузьмич! Только не черт знает что, а правильнее сказать: мать иху так. Как видите, и до тети Моти добрались.

ЕГОРЫЧ. Я извиняюсь...

ПИНСКИЙ (*обнимая его за плечи*). Не надо, Егорыч, не извиняйся. Иди ты к себе домой и собирай манатки. Теплое бери и курева дня на три... А драгоценности, которые ты стяжал, оставь на столе. Да опись не забудь приложить... в трех экземплярах.

ЕГОРЫЧ (*бубнит*). Я, Александр Рувимыч, все понимаю. Я ведь насчет слова пришел... Слово какое-то непонятное. И супруга моя не знает...

Егорыч и Пинский удаляются в прихожую.

БАЗАРИН (*ни с того ни с сего*). Сантехник — это еще не народ.

КИРСАНОВ (*сморщившись*). Я только умоляю тебя, Олег. Не надо никаких высокопарностей. Народ — не народ... Одна половина народа погонит другую половину народа рыть канал. Так у нас всегда было, так у нас и будет. Вот и все твое политпросвещение.

БАЗАРИН. Ты, кажется, призывал не паниковать.

КИРСАНОВ. А я и не паникую. Я высокопарностей не люблю. Ты еще нам про родниковые ключи истоков расскажи... или про почву исконную, коренную... (*Обры-*

вает себя и обращается к Александру.) Александр, тебе денег дать?

АЛЕКСАНДР (*уныло*). Мне уже мама дала.

КИРСАНОВ (*роется в бюро*). Хорошо, хорошо... Не помешает. Вот тебе еще сотня. Сунь ее куда-нибудь... в носок, что ли...

ПИНСКИЙ (*вернувшись*). Подожди, подожди... Ты что ему — одной бумажкой даешь? Совсем сдурел на старости лет! Мелкими давай! Мелкими! Есть у тебя?

КИРСАНОВ. Есть тут что-то... Мало.

ПИНСКИЙ. Ничего, ничего, зато целее будут... (*Александру.*) Возьми. Рассуй по разным карманам.

АЛЕКСАНДР (*уныло*). Спасибо... Папа, так ты, может быть, действительно со мной пошел бы?

КИРСАНОВ. Нет. Ты пойдешь со мной. И не спорь. И перестань ныть! Дай твою повестку... (*Берет у сына повестку и рвет ее на клочки.*)

АЛЕКСАНДР (*ужасным голосом*). Что ты наделал?!

КИРСАНОВ. Все! Ты свою повестку потерял! И не ныть! Взрослый мужик, стыдись!

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (*Александру*). Хорошо, хорошо, правильно. За отцом присмотришь. И вообще вдвоем вам будет легче...

АЛЕКСАНДР (*ноет*). Ну а если спросят? Что я им скажу тогда? Что?

ПИНСКИЙ. Скажешь, что подтерся по ошибке... (*Взрывается.*) Да кто там тебя спросит, обалдуй с Покровки? Кому ты там нужен? Паспорт отберут, и весь разговор... Слушайте, панове, а может, паспорт не брать с собой? Ну потерял я паспорт, начальник! Еще в прошлом году потерял! По пьяному делу! А?

БАЗАРИН (*непривзвонно*). По-моему, это противозаконно. Обман властей.

ПИНСКИЙ. Ах-ах-ах! Власть обманул гадкий мальчик! Власть к нему со всей душой, а он, пакостник, взял ее — и обманул! Дед плачет, бабка плачет...

КИРСАНОВ. Да нет, не в этом же дело, Шура. Противно же это, мелко... Лганье какое-то семикопеечное... У тебя получается, что если власть у нас подоночная, так и мы все должны стать подонками...

ПИНСКИЙ. Ну, нет так нет, я же не настаиваю. Я только хотел бы подчеркнуть, что чистенький, подлиненький паспортишко, где-нибудь в хорошеньком заглавнике, — это вещь архиполезная, государи мои!..

Из прихожей, из коридора, ведущего в комнату Сергея, доносятся топот и шарканье, слышится голос Артура: «Ничего, ничего, пошли, не утирайся...» И вот Артур появляется в гостиной, таща за собой за руку вяло сопротивляющегося Сергея.

АРТУР. Вот, я его вам привел. (*Сергею.*) Говори, закапец! Ведь тебе же хочется это сказать. Ну! Говори!

СЕРГЕЙ (*смуценно и сердито*). Отстань, африканец, отпусти руку! Не делай из меня попугая.

АРТУР (*отпускает его*). Я тебя прошу: скажи. Думай, что хочется; делай, что хочется; и говори, что хочется!..

КИРСАНОВ. Сергей, что ты еще натворил?

СЕРГЕЙ (*моментально окрысившись*). Да ничего я не

натворил! Сразу — натворил! (Артуру.) Говорил же я тебе, сундук кучерявый...

АРТУР. Станислав Александрович, я вас очень прошу: ну помолчите вы несколько минут! Почему вы никогда не чувствуете, когда надо помолчать? Вам надо помолчать, а вы все норовите поскорее принять меры, даже и не попытавшись узнать, в чем дело... (Сергею.) Будешь говорить? Нет? Тогда я скажу. Понимаете, он испытал жалость. Мы там сидели, как люди, ловили кайф, и было все нормально, и вдруг он сказал: мы вот сидим здесь с тобой, а они там — одни и помирают со страху, и у них ведь теперь ничего не осталось... Я удивился, а он сказал: у них на старости лет осталась одна погремушка — ихняя демократия и гласность, а теперь вот у них и это отбирают. Потрясли перед носом и тут же отобрали. Насовсем. Он сказал: мне их жалко, мне до того их жалко, что даже плакать хочется. И я увидел, что он плачет...

СЕРГЕЙ. Не было этого! Хватит ерундить-то!

АРТУР. Было это, Серый, было! Ты уже этому не веришь, я и сам-то не очень верю, хотя ведь и пяти минут не прошло, да только — было! И я тогда вдруг понял: это минута добра. Бывает момент истины, знаете? — а это была минута добра. И я опять удивился: как же так? Откуда же оно взялось, это добро? Да еще целая минута! Через какую щель оно проползло? И кто его сюда пропустил? И вообще, при чем тут я? И я сказал ему: не бери в голову, Серый! Они получили только то, что сами хотели получить, — ни рюмкой больше, ни рюмкой меньше. А он мне сказал: ну и что же? Тем более они несчастны, и еще больше их от этого жалко... Я снова попытался объяснить ему, что вы уже сделали свой выбор... неважно — почему, неважно — как... но сделали! И тогда он сказал... он согласился со мной и сказал: да, сделали, но, боже мой, до чего же это жалкий выбор! И тут жалость охватила и меня тоже. Я схватился было за бутылку, но сразу же понял: нельзя. Я подумал: вы тоже должны узнать об этом... Теперь-то я вижу, что сделал глупость, никому из вас этого не надо, но — все равно. Это была минута добра. Очень большая редкость в нашей жизни.

Воцаряется неловкое молчание. И вдруг Зоя Сергеевна подходит к Артуру и целует его, а затем целует Сергея.

СЕРГЕЙ. Ну... что ты, мама? Ну что ты? Ничего! Все будет нормально.

БАЗАРИН (сварливо). Минуточку, минуточку...

ПИНСКИЙ. Олег Кузьмич, помолчите, ради бога.

БАЗАРИН. Нет уж, пардон! Я очень благодарен молодому поколению за те добрые чувства, которые вызывал у него целую минуту...

КИРСАНОВ. Боже мой, какая зануда!.. Кузьмич!

БАЗАРИН. Нет уж, позволь. Молодые люди мягко упрекают нас в том, что мы сделали не тот выбор. Очень хотелось бы знать, какой выбор сделали бы молодые люди, если бы им принесли аналогичные повестки? «Нигилисты города Питера!»

СЕРГЕЙ. Но ведь не принесли же!

БАЗАРИН. Но ведь могли принести? И может быть, еще принесут!

СЕРГЕЙ. А вот не могли! И не принесут! Вы этого не

понимаете. Приносят тем, кто сделал выбор раньше, — ему еще повестку не принесли, а он уже сделал выбор! Вот маме повестку не принесли. Почему? Потому что плевала она на них. Потому что, когда они вербовали ее в органы в пятьдесят пятом, она сказала им: нет! Знаете, что она им ответила? Глядя в глаза! «Я люблю ходить в ведро, заносить над ним бедро...» И вся вербовка! И когда в партию ее загоняли в шестьдесят восьмом, она снова сказала им: нет! «Да почему же нет, Зоя Сергеевна? Что же, в конце концов, для вас дороже — Родина или семья?» А она им, ни секунды не размышляя: «Да конечно же, семья». И все. А вот вы, Олег Кузьмич, в партию рвались, как в винный магазин, извините за выражение.

КИРСАНОВ (грозно). Сергей!

СЕРГЕЙ. Папа, я же извинился. И я вообще ничего плохого сказать не хочу. Ни про кого. Я только одно вам объясняю: выбор свой люди делают до повестки, а не после.

КИРСАНОВ. Это я, спасибо, понял. Откуда только ты все это про нас знаешь, вот чего я не понял.

СЕРГЕЙ. Знаю. Мы вообще много о вас знаем. Может быть, даже все. Мы же всю жизнь ходим среди вас, слышим вас, наблюдаем вас, хватаем ваши подзатыльники и поэтому знаем все. Про ваши ссоры, про ваши тайны, про ваши болезни...

АРТУР. Про ваши развлечения...

СЕРГЕЙ. Про ваши неудачи, про ваши глупости...

АРТУР. Про ваши аборты...

СЕРГЕЙ. Мы только стараемся все это не брать в голову, не запоминать, но оно само собой запоминается, лучше любого школьного урока, хоть сейчас вызывай к доске...

ПИНСКИЙ (вкрадчиво). Я так понимаю, что минута добра благополучно истекла...

СЕРГЕЙ. Дядя Шура Пинский, я ведь извинился... Артур, пойдем отсюда. Я же говорил тебе, что все кончится скандалом...

КИРСАНОВ. Да сиди уж ты... жалостливый. Не будет тебе никакого скандала. Не до скандалов нам сейчас.

БАЗАРИН (отдуваясь). Да уж, какие тут могут быть скандалы... Я только хотел напомнить молодым людям, что прийти за ними могут и без всяких повесток.

ПИНСКИЙ. Представляете, открывается вот эта дверь, и входят трое в штатском...

АРТУР (мотаёт головой). Нет. Не входят.

ПИНСКИЙ. Почему же это?

Вместо ответа Артур молниеносным движением выхватывает из-за спины большой никелированный револьвер и становится в классическую позу: широко расставленные, согнутые в коленях ноги, обе руки, сжимающие револьвер, вытянуты вперед и направлены в зрительный зал. «Пух, пух, пух», — произносит он, поворачиваясь корпусом слева направо и посылая воображаемые пули веером. Потом тем же неуловимым движением забрасывает револьвер за спину и выпрямляется.

АРТУР. Вот почему. Зачем, спрашивается, им с нами

Павел Симонов
Очевидно, на каком-то этапе эволюции появилось правило: «Если сам не понимаешь, что и как, — делай, как все». Представьте: дан сигнал опасности кем-то из членов стада. И вот какой-то

высокоинтеллектуальный и критически мыслящий олененок начинает рассуждать: а реальна ли опасность? Пока он будет так анализировать, охотящиеся волки его скушают... Природа

научила: если сам не понимаешь, делай как все. Все побежали — беги. Естественный отбор показал, что если выигрыш достаточно велик, то с проигрышем можно не считаться.

связываться? Мы опасны. С нас гораздо спокойнее взять деньгами.

БАЗАРИН (ошеломленно). Позвольте, откуда у вас оружие?

АРТУР (широко улыбаясь). Из республики Замбия. Папа прислал.

ПИНСКИЙ (настороженно). Настоящий?

АРТУР. Нет, конечно. Пугач.

ПИНСКИЙ (многозначительно). Гм... Ну, естественно... Рэкетиров отпугивать... да и вообще...

СЕРГЕЙ (с чувством). Дядя Шура Пинский! Я вас люблю.

ПИНСКИЙ. Да. Я тебя тоже люблю. Лоботряс.

СЕРГЕЙ. Я вас всех люблю. Я даже Саньку нашего, полупротухшего, тоже люблю. Не ходите вы никуда утром. Повестки эти свои порвите, телефон выключите, дверь закройте... Мы с Артуром сейчас вам замок наконец починим. И ложитесь все спать. Не поддавайтесь вы, не давайте вы себя сломать!

КИРСАНОВ (горько). Ах, какие вы у нас смелые, какие несломленные! И ничего-то вы не понимаете! Ведь это сейчас они не нас ломают, нас они сломали давным-давно, еще поколение назад. Сейчас они вас ломают! Это ведь они не нам повестки прислали — они вам повестки прислали, чтобы вы на всю жизнь запомнили, кто в этом мире хозяин...

Он замолкает. Слышны тяжелые удары в дверь.

СЕРГЕЙ. Спокуха! Говорить буду я. Артур, встань тут в тенечек.

В дверях возникает знакомая фигура — давешний рослый человек в блестящем мокром плаще.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (зычно). Гражданин Кирсанов?

Кирсанов поднимается, издает горлом сдавленный жалкий писк.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Станислав Александрович?

КИРСАНОВ (справившись наконец с голосом). В чем дело?! Кажется, наше время еще не вышло!

И тут Сергей подхватывает Черного Человека под локоток и ловко выводит его на авансцену.

СЕРГЕЙ. Старик. Давай по-доброму. Что мы, не люди? Давай спокойненько договоримся...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (обычным голосом). Чего договоримся? Насчет чего?

СЕРГЕЙ. Спокуха! Все будет нормалек. Ты нас не видел, мы тебя не видели. Дверь заперта, хозяев нет, уехали... Два стольника. И все тихо.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. А! Нет. Не получится.

СЕРГЕЙ. Ну почему не получится? Тихо, мирно, по-доброму... Ну, три стольника — пойдет?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нет. Не хочу. Брось.

СЕРГЕЙ. Три стольника за минуту молчания. Соображаешь, нет?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (пытаясь освободиться). Пусти. Я же тебе сказал: нет!

СЕРГЕЙ (уже другим голосом — злым и напряженным). Четыре!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нет.

СЕРГЕЙ. Четыре стольника, козел!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Пусти! Я же тебе сказал — нет!

Сергей отпускает его, отшатывается и, как бы падая, вдруг выбрасывает ногу, сделавшуюся невероятно длинной

и прямой. Тяжелый ботинок попадает Черному Человеку прямо в голову. Кейс вылетает у него из-под мышки и кувыркком катится по полу, извергая кипы белых листов. Черный Человек с трудом удерживает равновесие, фонарь вдруг вспыхивает у него во лбу, и он становится похож на неуклюжего испорченного робота. И тут из тьмы вылетает Артур, и они вдвоем с Сергеем, издавая устрашающие кошачьи вопли, складываясь и раздвигаясь, как огромные циркули, принимаются избивать Черного Человека ногами. Это длится всего несколько секунд. Слышны только кошачьи вопли и ёкающие плотные удары. Потом Зоя Сергеевна кричит страшно, отчаянно, как будто бьют ее самое.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Перестаньте! Прекратите! Не смейте!

Черный Человек мокрой блестящей точкой валяется на полу среди разбросанных листков, Артур и Сергей нависают над ним, еще напружиненные, еще готовые бить и убивать. Зоя Сергеевна подбегает к ним и хлещет по физиономии — сначала одного, затем другого.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Звери! Зверье! (Падает на колени возле избитого, кричит.) Свет! Свет мне дайте!

И в тот же миг вспыхивает электрический свет. Все остолбенело стоят, ошеломленные, подслеповато моргающие. Пол сплошь усеян белыми листочками, высыпавшимися из распахнувшегося кейса.

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА. Сергей! Неси аптечку из ванной! Саня! Воду мне сюда холодную! Таз!..

Она поднимает избитую голову, кладет к себе на колени.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (жалобно и хрипло бормочет сквозь стоны). За что? Ну за что? Что я тебе сделал? За что?..

Базарин опускается на корточки и принимается торопливо собирать рассыпанные листки, складывает их в пачку, старательно подравнивает дрожащими пальцами, потом читает один листок, садится на пятки, читает другой...

БАЗАРИН. Слушайте! Они же все отменили! (Падает на четвереньки, ползает, ища что-то, наконец находит и садится задом на пол. Читает срывающимся голосом.) «Базарину... Олегу Кузьмичу... Во изменение нашего предыдущего распоряжения... предписание вам прибыть... отменяется...» Отменяется! «Впредь до специального распоряжения. Председатель-комендант...» (Трясет перед собой пачкой мятых листков.) Всем отменяется! Станислав! Александр Рувимович! И вам тоже отменяется!..

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (стонет). За что? Ой, больно... Осторожнее!..

БАЗАРИН (поднявшись на ноги и потрясая листками). Ведь я же говорил! Невозможно это! Я же сразу вам сказал! Невозможно это! Невозможно это! Невозможно!..

Начинает звонить телефон, и звонит долго, но все стоят в полном остолбенении, и никто не берет трубку.

Конец

7 апреля 1990 года. Москва